

2 Новак, В. С. Рэгіянальна-лакальна асаблівасці фальклорных традыцый / В. С. Новак // Зямля чароўная дабра: Добрушскі край: гісторыя і сучаснасць / пад агульнай рэдакцыяй А. А. Станкевіч. – Гомель : ААТ «Полеспечать», 2008. – 280 с.

3 Станкевіч, А. А. Абрадавая лексіка ў гаворках Гомельшчыны: этналінгвістычны аналіз / А. А. Станкевіч, К. Л. Хазанова, А. М. Воінава / пад рэд. А. А. Станкевіч; М-ва адукацыі РБ, Гом. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – 269 с.

4 Лопатин, Г. И. Фольклорно-этнографический репертуар личности: Варвара Александровна Грецкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vetka-museum.by>. – Дата доступа: 15.10.2015.

5 Лапацін, Г. І. «У нас песні праз мяжу не ідуць...» Аб культуры выканання абрадавых тэкстаў [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <http://vetka-museum.by>. – Дата доступа: 15.10.2015.

6 Круглов, Ю. Г. Русские обрядовые песни / Ю. Г. Круглов. – М. : Высш. шк., 1989. – 320 с.

7 Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области. Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. – Вып. III. / сост. Пухова Т. Ф., Христова Г. П. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2005. – 249 с.

УДК 821.161.1:7.042:821.161.3*А. Козлов

С. Б. Цыбакова

ОБРАЗЫ НЕЧИСТЫХ ПТИЦ ФИЛИНА И ВОРОНА В РОМАНЕ А. КОЗЛОВА «МИНСК И ВОРОН, ПАРИЖ И ПРИЗРАК»

Рассматривается восточнославянская мифологическая семантика нечистых птиц филина и ворона в романе А. Козлова «Минск и ворон, Париж и призрак», прослеживается ее связь с негативной в верованиях восточных славян семантикой ели и осины. Выявляются особенности авторского воплощения мифологических функций, закрепленных за вороном в народной культуре.

Одной из отличительных особенностей, характеризующих мифопоэтику прозы Анатоля Козлова, является наличие в художественном мире ряда произведений писателя образов животных и птиц, которые в славянской мифологии относятся к группе нечистых, «связанных с дьяволом или миром мертвых» [1, с. 109]. Данные образы соотносятся с такими ключевыми в творчестве А. Козлова демонологическими персонажами, как колдуны и ведьмы. В «романе – *итрихами*» «Юргон» автор изобразил преданную колдуну Черному Гордею гадюку Катринку. Превращение старой ведьмы в летучую мышь показано в романе «Минск и ворон, Париж и призрак». В повести «Откуда они появляются?..» зооморфная и орнитоморфная символика играет важную роль в раскрытии демонической сущности лесного ведьмака Ефима Горбуна. Из нечистых птичьих персонажей славянской мифологии обитателями ирреального колдовского локуса являются филины, авторская негативная трактовка которых выражается посредством их сравнения с волколаками.

В славянской мифологии сова, «как и другие ночные птицы семейства совиных (филин, сыч), наделяется демоническими свойствами» [2, с. 96]. Е. Е. Левкиевская отмечает: «Восточные славяне видят в совах дьявольское отродье, воплощение черта, полуптиц-получертей» [1, с. 112]. В белорусской мифологии выражены представления о принадлежности совы к «птицам иного мира» [3, с. 422].

Особое место образы филина, а также ворона, занимают в художественном мире романа А. Козлова «Минск и ворон, Париж и призрак», одной из основных особенностей поэтики которого является мистическое двоемирие, переплетение реального и сверхъестественного. В персонажной системе произведения птицам отводится роль свидетелей гибели княжны Катерины, невесты князя Севолода, которая стала жертвой женской ненависти и колдовства.

Автор наделяет филина и ворона человеческим сознанием и речью. Птицы обсуждают все увиденное ими ночью за окнами Осиновского замка, обмениваются своими мыслями и переживаниями. Изображая филина и ворона, А. Козлов в значительной мере передает

отрицательное отношение к этим представителям царства пернатых, выраженное в многочисленных народных поверьях восточных славян. Вместе с тем, заключая в себе семантику фольклорно-мифологического происхождения, образы птиц в произведении являются плодом авторского вымысла и поэтому существенно отличаются от своих народно-мифологических «прототипов». В художественной форме А. Козлов домысливает и развивает семантику, основные символические значения, закрепленные за филином и вороном в традиционной культуре восточных славян, прежде всего, белорусов.

В романе филин (пугач) и ворон (крумкач) являются друзьями: «...а пугачу чего бояться крумкача? Из одной они кодлы. Один пугает, а другой смерть накликает» [4, с. 99]. «За долгие годы жизни рядом птицы сблизились настолько, что, казалось, на разных концах земли чувствовали бы друг друга. Связал их судьбы в один узелок Птичий бог, да так крепко и надежно, что каленым мечом не рассечь, самыми ловкими и умелыми пальцами не развязать. Он, этот узелок, и ударом грома не перебьется, и железом не переломится» [4, с. 99].

Филин, подобно ворону, по народным представлениям, – проклятая Богом птица, «спутник или даже воплощение нечистой силы» [5, с. 51]. А. В. Гура подчеркивает связь ворона «со смертью и миром мертвых» [6, с. 436]. У восточных славян ворон «пользовался недоброй славой вестника смерти, несчастья» [5, с. 51]. Однако, как отмечает исследователь белорусской мифологии А. М. Ненадовец, ворон имеет и положительные черты: «У культуры язычнікаў-беларусаў воран заўсёды іграў важную ролю і значэнне яго было станоўчым. Гэтая птушка знаходзілася паблізу ад пантэона вярхоўных багоў, яе паказвалі сядзячай на дубе – свяшчэнным дрэве, якое адначасова асацыявалася і з Сусветным. Птушку называюць найначай, як мудрай, вяршчункай...» [7, с. 470].

Ю. Дроздов высказывает предположение об определенных связях ворона «с восточнославянским богом *Велесом*» [8, с. 89]. Среди мифологических функций ворона, выявленных исследователем, в романе А. Козлова четко прослеживаются: соотнесение с водной стихией, всеведение и связь с миром мертвых. Филин и ворон живут в самой середине дремучего леса, «на Топком болоте, потому что сюда только самоубийцы приходят» [4, с. 99]. В мифологии восточных и западных славян болото – «опасное и нечистое место, где водятся черти» [9, с. 228]. В «гнилой трясине Топкого болота» [4, с. 122] на глазах птиц погибает одурманенная ядовитым колдовским зельем княжна. Топкое болото в хронотопической структуре романа, таким образом, – один из «локусов антимира» [10, с. 40].

Филин и ворон в произведении – близкие соседи. Старая осина, в дупле которой живет филин, находится неподалеку от высохшей ели, где обосновался в своем гнезде ворон. Нечистая природа персонажей-птиц становится еще более очевидной за счет трактовки негативной, согласно народным восточнославянским поверьям, семантики их древесных жилищ. Осина у восточных славян – «нечистое и опасное дерево» [11, с. 570]. Т. А. Агапкина, рассматривая связь осины со сферой хтонического, замечает, что осина «иногда упоминается в заговорах как дерево, растущее в пространстве “небытия”, куда обычно ссылают болезни...» [11, с. 570]. В романе старая ведьма Пёкла произносит заговор с целью наведения на княжну порчи. А. Козлов отображает особенности магического мышления, древнюю веру людей в зависимость человека от магии. Смерть потерявшей рассудок Катерины показана, прежде всего, как следствие вредоносного воздействия заговора колдуньи. Пёкла, которую ворон называет «дочерью дьявола» [4, с. 116], устраняет соперницу своей племянницы Марфочки из мира живых, отправляя в гибельное место, в пространство «небытия».

Автором романа «Минск и ворон, Париж и призрак» акцентировано такое негативное символическое значение осины, как ее виноватость: «Ухнул филин-пугач на Топком болоте. Выпорхнул из дупла старой осины, которая и в безветрие трясет листвою, будто схваченный за руку вор» [4, с. 99]. В фольклоре дрожь осины «чаще всего трактуется как ответственность за некую вину» [12, с. 388], нередко как следствие Божьего проклятия.

Ель – «дерево в народной дендрологии славян связанное с похоронно-поминальными ритуалами и верованиями...» [13, с. 183]. Исследователи белорусской мифологии отмечают, что «символика ели в народной культуре чаще негативная» [14, с. 165]. В верованиях

восточных славян ель «имеет отношение и к области народной демонологии» [13, с. 184]. Т. А. Агапкина замечает, что это дерево было «местом пребывания лешего, а также черта, русалки и др. демонологических персонажей» [13, с. 184]. Отрицательная мифологическая семантика осины и ели усиливает негативное представление о Топком болоте, где находится жилище нечистых птиц, как о хтоническом и демоническом локусе.

В романе ворон назван «вещей черной птицей» [4, с. 101], «вещуном смерти» [4, с. 102], «похоронником» [4, с. 103]. А. Козлов характеризует его как «Вечного плакальщика по судьбам людским» [4, с. 99]. «И не любят его за это люди. Несет он на своем черно-смолистом оперении кручину, накликает горе» [4, с. 99]. Ворон предрекает близкую смерть: «"Я чувствую трупный запах, покойником пахнет от свадьбы"» [4, с. 104]. Катерина, разглядев за окнами замка силуэты филина и ворона, испытывает чувство страха, птицы ассоциируются в ее сознании с опасными, недобрыми людьми: «"Вас только и не хватало на моей свадьбе, – как-то безразлично мелькнула в голове мысль. – Тут и так двуруких воронов с филинами хватает, а вы из лесной глуши к этой компании примчались"» [4, с. 109]. Осиновский замок, где в разгар свадебного пира совершается преступление, – еще один из локусов антимира в произведении. В названии замка отражена его непосредственная связь с темными, демоническими силами, под властью которых находится и природа изображенного автором болотно-лесного края. В идейно-художественном контексте романа особенно большое значение приобретает авторское воплощение мифологической семантики осины как проклятого Богом и нечистого дерева, а также взаимосвязь негативной растительной и орнитоморфной символики. Филин и ворон – представители антимира, который является враждебным и опасным для существ иного рода, например, для птиц, согласно народным представлениям, чистых, то есть «благословленных Богом» [2, с. 109].

Вместе с тем автор наделяет персонажа-ворона мудростью и рассудительностью, и именно выражение этих черт неоднократно повторяется в тексте произведения, в наибольшей степени способствуя индивидуализации данного птичьего образа. В идейно-художественном контексте романа ворон отличается от своего собеседника филина мудростью, сдержанностью, способностью к проникновению в истинную суть происходящих событий. Филину, назвавшему его «вещуном смерти», которого ненавидят за это, ворон дает благоразумный ответ, выражая незыблемую, проверенную на протяжении долгих лет истину: «"Для всех хорошим не будешь. Я не накликаю беду, а предупреждаю о ней. Если кто-то попадет на разумный, то и обойдет несчастье стороной. Ну а если в голове дурости слишком много, то и ползет на рожон"» [4, с. 102]. В диалогах птиц мудрые мысли почти всегда изрекает ворон. Приведем некоторые из них. «"Будет день, и то, что нужно, само собою откроется"» [4, с. 101]. «"Иной раз нужно и помолчать, чтобы наши слова не ожили, не материализовались, а потихоньку зачахли, как семя в пустой почве"» [4, с. 101].

В романе мудрость и всеведение ворона, как и в славянской мифологии, в значительной степени связывается с его долгожительством: «"И откуда ты все знаешь"?"» – удивляется пучеглазая птица.

«"Жизнь, века учат"», – мудро замечает похоронник» [4, с. 103].

Ворон, по подсчетам которого у него «впереди минимум полтора столетия, а если все ладно да складно пойдет, то и вообще целых два» [4, с. 102], относится к своему другу снисходительно, считая его «наивным» [4, с. 101], «юнцом» [4, с. 102]. С образом старого ворона в романе связаны мотивы жизненного увядания, одиночества, душевной усталости. Ворон на многие годы переживает друга-филина, но долгожительество не радует его: «"Раньше не верилось, что жизнь может казаться непосильной тяжестью. Жаль, что этого не знает Катерина. Ой, как жаль, мой ты друг-филин. Не смог я после твоей кончины ни с кем так близко сойтись. И в конце концов, действительно, кому нужен сведущий старец? Знакомство с таким, как я, – не радость, а непомерная тяжесть. Жизнь ведь интересна своей неизвестностью"» [4, с. 130]. Ворон в художественно-философском контексте произведения ассоциируется с одиноким дряхлым стариком, жизненные силы которого на исходе, и он постепенно погружается в вечный сон: «"Лучше подремать, почувствовать себя во сне молодым, здоровым и всесильным. Прошлое – мое сокровище,

а будущее – потемки. Вот так оно, вот так”», – крумкач прикрыл усталые глаза. Бельмистая пленка-веко затянула выцветшие зрачки вещей птицы...» [4, с. 130].

Подводя итоги, отметим, в первую очередь, глубинную, органическую связь поэтики романа А. Козлова «Минск и ворон, Париж и призрак» с народной духовной культурой. Образы филина и ворона в произведении включают в себе семантику, основные символические значения, закрепленные за данными птицами в восточнославянской, и в частности, белорусской мифологии. Образ ворона по сравнению с персонажем-филином более многогранный. В романе выражено художественно-философское осмысление таких мифологических функций, связанных с вороном, как всеведение и связь с миром мертвых. А. Козлов особо акцентировал в идейно-художественном контексте своего произведения мифологическую символику ворона как вещи и мудрой птицы.

Список использованных источников

- 1 Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. – М. : ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с.
- 2 Гура, А. В. Сова / А. В. Гура // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). – М.: Междунар. отн., 2012. – С. 96–98.
- 3 Валодзіна, Т. Сава / Т. Валодзіна, А. Садоўская, Л. Салавей // Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 422.
- 4 Козлов, А. С. Минск и ворон, Париж и призрак: сборник произведений / Анатолий Козлов. – Минск: Літаратура і Мастацтва, 2010. – 272 с.
- 5 Токарев, С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / С. А. Токарев / отв. ред. С. И. Ковалев. 2-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 168 с.
- 6 Гура, А. В. Ворон / А. В. Гура // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1: А–Г. – М. : Междунар. отн., 1995. – С. 434–438.
- 7 Ненадавец, А. М. Нарысы беларускай міфалогіі / А. М. Ненадавец. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 535 с.
- 8 Драздоў, Ю. Воран, крук, крумкач / Ю. Драздоў // Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 89.
- 9 Толстой, Н. И. Болото / Н. И. Толстой // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 1: А–Г. – М. : Междунар. отн., 1995. – С. 228–229.
- 10 Дучыц, Л. Балота / Л. Дучыц, І. Клімковіч, У. Лобач, С. Санько // Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 39–40.
- 11 Агапкина, Т. А. Осина (*Populus tremula*) / Т. А. Агапкина // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 3: К (Круг)–П (Перепелка). – М. : Междунар. отн., 2004. – С. 570.
- 12 Наговицын, А. Е. Тайны мифологии славян / А. Е. Наговицын. – М. : Академический Проект; Традиция, 2009. – 511 с.
- 13 Агапкина, Т. А. Ель / Т. А. Агапкина // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 2: Д–К (Крошки) – М. : Междунар. отн., 1999. – С. 183–186.
- 14 Малюха, М. Елка, яліна / М. Малюха, С. Санько // Міфалогія беларусаў: Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 165.

УДК 82-84:303.833.5

О. І. Чайка

УКРАЇНСЬКІ ПРАВОВІ АФОРІЗМИ ТА ФРАЗЕОЛОГІЗМИ ЯК ФЕНОМЕН НАРОДНОЇ ДУХОВНОСТІ В МІЖКУЛЬТУРНІЙ КОМУНІКАЦІЇ

В данной статье рассматриваются некоторые особенности украинских правовых афоризмов и фразеологизмов как феномен народной духовной культуры в их сопоставлении